

Тао Сяодун в общей сложности нанес три удара палкой.

Пьянчуга потерял рассудок, и после такого отпора ему и в мыслях не было спокойно уйти. Он попытался огрызнуться и полез на Тао Сяодуна, но стоило ему попытаться встать, как очередной удар сбивал его с ног.

Старушка снова со слезами и криками бросилась между ними, умоляя Тао Сяодуна, которого она звала мальчишкой из семьи Тао, больше не бить его.

В конце концов и пьянчуга, и старушка ушли. По пути они подобрали кирпич и швырнули его во двор — он со стуком упал на землю и раскололся надвое. Отойдя довольно далеко, пьянчуга поднял еще один кирпич и швырнул его в калитку. Раздался глухой стук, прозвучавший в ночной тишине резко и зловеще.

Не дожидаясь, пока тот кинет снова, Тао Сяодун вошел в дом и зажег свет, чтобы проверить младшего брата.

Тао Хуайнань наощупь натянул кофточку и теперь сидел на корточках, пытаясь нащупать на земле обувь. Услышав шаги, он высоко задрал голову:

— Брат?

Тао Сяодун поднял его на руки, похлопал по спине и успокоил:

— Всё в порядке.

— Кто это был?.. — Тао Хуайнань заморгал невидящими глазами и обеими руками осторожно погладил брата по щекам. Его ладони были влажными и горячими. — Тебя не задели?

— Нет.

Лицо Тао Сяодуна было ледяным, а пальто — холодным на ощупь. Он опустил Тао Хуайнаня обратно на кан и дважды потрепал по макушке:

— Испугался?

— Я боялся, что тебе достанется, — тихо ответил Тао Хуайнань.

— Никому не достаться, твоего брата не одолеть, — утешил его Тао Сяодун.

Кофточка оказалась надета наизнанку, и Тао Сяодун помог ему снять ее. Сосед из дома напротив, услышав шум, оделся и заглянул к ним, расспрашивая, что произошло.

Тао Сяодун налил из чайника немного кипятка, смочил полотенце и принялся мыть ноги Тао Хуайнаню. Тот успел побегать босиком по полу и перепачкаться, а ступни у него были ледяными.

— Ничего страшного, Чи Чжидэ снова появился сюда пьяным буянить, — ответил Тао Сяодун, продолжая вытирать брату ноги.

— Чего это его посреди ночи сюда понесло? — выругался дядька. — Маленького Наня небось напугал? Хочешь, я заберу Наня к себе? Пусть поспит с его тётушкой.

Тао Сяодун отказался, и Тао Хуайнань тоже покачал головой.

— Пусть останется здесь, — Тао Сяодун закончил вытирать ноги, легко шлепнул брата по стопам, веля ложиться, — тем более я буду снаружи.

Тао Хуайнань послушно забрался под одеяло и сам тщательно подоткнул его со всех сторон.

Посидев еще немного и убедившись, что всё спокойно, сосед ушел. Тао Сяодун огляделся по сторонам, но ребенка из семьи Чи нигде не было видно.

— Свет тушить не буду, оставляю тебе ночник, — сказал Тао Сяодун.

Тао Хуайнань кивнул:

— Угу.

Тао Сяодун отыскал одежду, которую Тао Хуайнань испачкал молоком днем, и вышел на улицу.

Мальчишка сжался в комок возле жаровни. Сама жаровня давно погасла, но он обхватил ее края обеими руками и дрожал так, будто был покалеченным зверенышем, замерзающим посреди снежного поля.

Тао Сяодун положил рядом с ним одежду и произнес:

— Одевайся.

Мальчик поднял голову. Стоял такой частый стук зубов, что казалось, они того и гляди раскрошатся. Движения его рук были судорожными и деревянными, а сам он до того исхудал и оброс костями, что это выглядело жутковато.

Тао Сяодун постоял, молча глядя на него, а затем все же подошел и рывком поднял на ноги, заодно подобрав с земли одежду. Ребенок попытался вырваться, но Тао Сяодун лишь нахмурился:

— Не рыпайся.

Силенок сопротивляться у мальчишки, судя по всему, уже не осталось. Тао Сяодун зажал его в охапке подмышкой, а безвольно повисшие руки и ноги придавали ему вид полумертвого существа.

Тао Хуайнань лежал неподвижно, прислушиваясь к тому, как брат снова отворил дверь и вошел в дом.

Он услышал, как старший брат что-то положил на противоположный край кана, а следом раздался странный стук зубов — неестественный, неуправляемый звук.

В тот момент Тао Хуайнань подумал, что брат принес с улицы замерзшую собаку.

— Полежи, согрейся, — велел брат.

— Твой отец в детстве был точно таким же, а теперь и ты копия своего отца, — глядя на грязного ребенка, который пластом распластался на кане, пытаясь впитать хоть немного тепла, проговорил Тао Сяодун. — Из поколения в поколение одно и то же. Какое проклятие.

Услышав это, Тао Хуайнань решил, что все-таки это не собака. Судя по всему, тот самый мальчишка, что днем отобрал у него молоко.

Ребенок ничего не отвечал. Он лежал на боку, прижавшись лицом к кану, и продолжал судорожно вздрагивать. Зубы стучали так сильно, что связать и двух слов он бы не смог.

В доме было всего одно ватное одеяло, которое им дал сосед. Пока Тао Хуайнань укрывался им, Тао Сяодун снял свое армейское пальто и бросил его поверх грязного мальчишки.

— Сегодня будешь спать здесь, — бросил на ходу Тао Сяодун.

Мальчишка снова промолчал — ни звука в ответ, только непрекращающийся стук зубов.

Тао Сяодун вышел дежурить во двор, а стук зубов раздавался еще целый час. Все это время Тао Хуайнань лежал на другом конце кана с открытыми глазами и прислушивался к этому звуку. Частота постукиваний постепенно снижалась, пока наконец всё не стихло — мальчик заснул.

Только тогда Тао Хуайнань тихонько повернулся на бок. Он был слишком робким и напуганным: делить комнату с совершенно незнакомым ребенком, который к тому же днем отобрал его молоко, казалось невероятно страшным, так что он даже боялся шевельнуться.

Лежа отвернувшись к стене, Тао Хуайнань подтянул повыше тонкое одеяльце, укутавшись в него с головой и спрятав половину лица.

Живучим же оказался этот сорванец — просидеть целый день голым на морозе и отделаться легким испугом. Тао Сяодун заставил его надеть испачканную Тао Хуайнанем одежду, но тот так и не произнес ни слова благодарности. Когда Тао Сяодун наливал Тао Хуайнаню кашу, он зачерпнул порцию и для гостя в большую глубокую миску. Мальчик поднял на него взгляд, молча взял миску и, устроившись в стороне, принялся жадно прихлебывать прямо из нее. Тао Сяодун подул на ложку с кашей и между делом спросил:

— Отец тебя часто бьёт?

Паренёк поднял голову из тарелки, глянул в их сторону, опустил веки и промолчал.

Раз он не отвечает, Тао Сяодун и сам не стал допытываться.

А вот Тао Хуайнань постоянно помнил, что там кто-то есть, и его невидящие глаза то и дело косились в ту сторону. Тао Сяодун постучал его костяшкой пальца по щеке, заставляя повернуться обратно.

В семье Чи из поколения в поколение никто никому не нравился. В нормальной ситуации, если бы ребёнок в таком возрасте угодил в такую семью к такому отцу, деревенские взрослые, какими бы холодными они ни были, всё равно бы вмешались. Но этот мальчик никогда ни с кем не разговаривал и на любые вопросы отвечал неохотно. Любви он не сыскал, а поскольку все смертельно устали от его отца-пьяницы и боялись ввязаться в неприятности, взрослые попробовали помочь пару раз, а потом махнули рукой. Самое большее, на что он мог рассчитывать, — когда он вот так выбегал из дома босиком, его пускали в дом погреться и давали какой-нибудь еды.

Он был похож на паршивую деревенскую собаку, которая ест объедки по всему селу, носит чумазные обноски и всё равно вынуждена возвращаться домой, где её снова поколотят, стоит отцу только напиться.

Тао Сяодун и не думал брать шефство над ним — ему было не по силам. В этом мире всё, что не касается твоей собственной семьи, — чужие дела. Чужих дел вокруг слишком много, на всех не

напасёшься, да и времени свободного столько нет. Он лишь сказал мальчику:

— Эти дни посидишь здесь. Если отец дома, домой не возвращайся.

Тао Хуайнань снова покосился в ту сторону, и в его пустом взгляде проступало детское, робкое любопытство.

Раз Тао Сяодун разрешил ему остаться, мальчишка действительно пробыл у них несколько дней. Уходил домой затемно, а с рассветом снова приходил. Появлялся бесшумно, забивался в какой-нибудь угол, делаясь совершенно незаметным, так что на него никто и внимания не обращал. Во время еды Тао Сяодун обычно накладывал ему в миску немного риса с похлёбкой, и он, устроившись в сторонке, ел в одиночестве.

Тот наряд Тао Хуайнаня он носил не снимая: пятно от молока на груди так и осталось, рукава и полы засалились до черноты, но переодеваться он почему-то не спешил.

Пережив первоначальный страх перед неизвестностью, Тао Хуайнань со временем привык к тому, что рядом постоянно кто-то безмолвно присутствует. Мальчишка всегда держался на расстоянии, прислонившись к стене. Изредка, когда Тао Сяодун был занят, Тао Хуайнань подходил и присаживался рядом с ним на корточки. Пусть у них обоих не было дома, сидеть так всё же было лучше, чем растерянно стоять в одиночестве в незнакомом месте.

Один — по-настоящему слепой, другой — притворяющийся немой, они молча составляли друг другу компанию. Каждое утро Тао Хуайнань выпивал по большой кружке молока, а потом до полудня бегал в туалет. В тот день, когда хоронили прах родителей, Тао Хуайнаня с самого утра на руках принесли на кладбище. Когда гроб опустили в землю, брат за руку заставил его поклониться и отбить в общей сложности девять земных поклонов. Утром стоял жуткий холодина, поэтому всю дальнейшую долгую церемонию Тао Сяодун заставлял его проходить не стал и отправил домой.

Тао Хуайнань сидел на канэ в маленьком свитере и ждал. Сидеть смирно у него не получалось — он то и дело ерзал на месте, поворачиваясь и ежесекундно выглядывая брата.

Напротив него, прислонившись спиной к стене, стоял немой мальчик и молча наблюдал за ним.

Тао Хуайнань хмурил брови, то и дело склоняя голову набок, пытаясь прислушаться. За тяжелыми железными воротами кто-то лязгнул, но Тао Хуайнань прислушался и понял, что во дворе никто не появился. Тогда он повернулся в сторону собеседника и спросил:

— Это мой брат?

Голосок у него был мягкий, тихий, совсем детский.

Мальчик напротив бросил взгляд на окно и впервые подал голос. В его интонациях не было той детской мягкости, что у Тао Хуайнаня, но он ответил:

— Нет.

Тао Хуайнань приоткрыл рот и тихо протянул:

— А-а...

Он опустил голову, молча сжав губы, а пальцы все это время продолжали легко царапать клеенку на канэ.

На улице стояла абсолютная тишина. Прошло еще немного времени, и Тао Хуайнань снова заговорил:

— Помоги мне найти какую-нибудь банку...

Он заморгал невидящими глазами, и в его голосе теперь слышались слезы:

— ...Мне хочется в туалет.

Будучи слепым, он чувствовал себя совершенно беспомощным: в свои восемь лет, если рядом никого не было, он даже пописать самостоятельно не мог.

Мальчик напротив тоже моргнул, затем поднял вечно опущенные веки, огляделся по сторонам и, откинув висевшую наполовину занавеску, вышел в сени.

Вернувшись, он принес с собой алюминиевую чашку для еды — чуть больше большой суповой миски, в таких Тао Сяодун иногда подавал ему еду. Чашка глухо звякнула о деревянный край канэ. Мальчик задрал слишком длинные рукава и толкнул посудину вперед, после чего вернулся на свое прежнее место у стены.

Тао Хуайнань нащупал руками холодную круглую чашку. Раньше ему никогда не приходилось справлять нужду в подобную вещь, но сейчас он даже не колебался — терпеть больше было просто невозможно.

Спустя какое-то время, натянув штаны, он чуть слышно пододвинул миску обратно, и голос его стал совсем крошечным:

— Вылей, пожалуйста...

Бетонный пол в сенях был не слишком ровным, поэтому звук шаркающих по полу не по размеру больших ватных ботинок был слышен особенно четко. Тао Хуайнань услышал, как мальчик подошел, как открыл дверь и вышел, а затем хлопнула дверь и алюминиевая чашка с глухим звоном опустилась на край печи в сенях. Звук шагов, возвращавшихся обратно по бетонному полу, приближался шаг за шагом. Облегчившийся Тао Хуайнань виновато улыбнулся в сторону стены.

Взрослых дома не было, и два ребенка втайне натворили дел — пописали в обеденную чашку.

Сделав дело, оба застеснялись. Тао Хуайнань продолжал ковырять ногтем клеенку, даже не поднимая головы, и тихонько пробормотал:

— ...Давай никому не скажем?

<http://bllate.org/book/24430/2860021>